

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И.Н. Сиземская

Евразийство: историософские прозрения и предупреждения

Irina N. Sizemskaya

Historiosophical insights and warnings of Eurasianism

Автор статьи рассматривает евразийство как философско-историческую идею, обращенную к культурному модусу российской истории, «месторазвитием» которой было географическое пространство между Европой и Азией с характерными для населявших его народов социально-экономическими укладами, религиозными верованиями, национальными традициями, особенностями образа жизни и быта. Такой ракурс анализа, по мнению автора, созвучен сегодняшним вызовам времени, актуализирующим для России, с одной стороны, проблему собственного развития как многонационального государства, с другой стороны, вопросы о расширении и модернизации экономических, политических и культурных контактов с Европой и странами Ближнего Востока. В статье обращается внимание на идеи евразийства, которые соотносят движение национальной истории с созданием общего для всех регионов мира цивилизационного пространства, сохраняющего каждому народу право на свою культурную идентификацию. В этой связи автор рассматривает свободные от геополитических наслоений историософские и культурологические основы классического евразийства, получившего концептуальную разработку в работах его основателей Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Флоровского, С.С. Сувчинского в период с 1921 до 1927 г. Теоретические поиски этих мыслителей и их дискуссии с оппонентами по ключевым вопросам евразийской идеи и целей евразийского движения стоят в центре предлагаемого анализа. И.Н. Сиземская делает попытку ответить на вопрос, как философско-исторические концепты евразийства коррелируют с сегодняшними задачами и национальными проектами развития страны.

Ключевые слова: Исторический процесс, европейский культуроцентризм, Россия и Европа, мир Евразии, евразийство, «месторазвитие», «общеевразийский национализм», симфоническая личность, идеократическое государство, российский национальный проект.

The author of the article considers Eurasianism as a philosophical and historical theory that addresses the cultural mode of Russian history, the "local development" of which was the geographical space between Europe and Asia with the socio-economic patterns, religious beliefs, national traditions, and lifestyle features characteristic of the peoples who inhabited it. According to the author, this angle of analysis is in tune with the current challenges of the time, which actualize for Russia, on the one hand, the problem of its own development as a multinational state, on the other hand, questions about the expansion and modernization of economic, political and cultural contacts with Europe and the Middle East. The article draws attention to the ideas of Eurasianism, which correlate the movement of national history with the creation of a common civilizational space for all regions of the world, preserving the right of each nation to its own cultural identification. In this regard, the author considers the historiosophical and cultural foundations of classical Eurasianism, which were conceptualized in the works of its founders N.S. Trubetskoy, P.N. Savitsky, G.V. Florovsky, and S.S. Suvchinsky in the period from 1921 to 1927. The theoretical search for these thinkers and their discussions with opponents on key issues of the Eurasian idea and goals of the Eurasian movement are at the center of the proposed analysis. I.N. Sizemskaya makes an attempt to answer the question as a philosophical-historical concepts of Eurasianism is correlated with today's tasks and national development projects in the country.

Keywords: Historical process, European cultural centrism, Russia and Europe, the world of Eurasia, Eurasianism, "local development", "pan-Eurasian nationalism", symphonic personality, ideocratic state, Russian national project.

От времени до времени очень полезно подвергать пересмотру наши привычные исторические понятия для того, чтобы при пользовании ими не впасть в заблуждения, порождаемые склонностью нашего ума приписывать своим понятиям абсолютное значение.

П.М. Бицилли

Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления.

П.Н. Савицкий

В последнее время евразийство оказалось в центре внимания исследователей разного профиля – философов, культурологов, политологов, социологов, что нашло выражение в публикациях текстов евразийцев и нового исследовательского интереса к ним [5, 10, 22, 23, 24, 30]. Первая волна интереса к этому самобытному интеллектуальному движению, возникшему в начале 20-х гг. прошлого столетия в русской эмиграционной среде, была инициирована открывшимся в начале 90-х гг. широким доступом к литера-

туре русского зарубежья и произошедшим распадом СССР¹. Но причины выявившегося интереса к евразийству, разумеется, не сводятся к этим двум факторам. Во-первых, и это имеет первостепенное значение, его проблематика оказалась созвучной актуализированной временем задаче реализации Россией собственного проекта национального развития при одновременном расширении социально-экономических, политических и культурных контактов с Европой и странами Ближнего Востока. Во-вторых, что тоже немало важно, стала очевидной необходимость адекватной интерпретации исходных идей этого бесспорно оригинального учения, его понятийного аппарата и заложенных в нем философских и культурных смыслов в контексте современного социально-гуманитарного знания. В-третьих, выявилась теоретическая и прикладная потребность в осмыслении близости и различий евразийства с отечественными историософскими теориями XIX в. (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев). В отношении этого момента следует заметить, что евразийская идея имеет *свои* философские основания, но очевидна ее генетическая связь с традиционными проблемами российской общественной мысли – «Россия и Европа», европейское просвещение и русская культура, место православия в российском самосознании, «Русская идея» и другие, но этот факт пока остается вне должного исследовательского внимания. В-четвертых, сегодняшние интерпретаторы евразийства часто акцентируют идеологическую и геополитическую составляющую евразийской идеи, а это имеет свои «издержки», провоцируя особый, не всегда адекватный сути учения, интерес к нему со стороны политиков.

Таким образом, можно сказать, что причины сегодняшнего внимания к евразийству кроются *в самом евразийстве*. Они связаны с его проблематикой, не теряющей своей актуальности на протяжении более ста лет, с его поисками новых смыслов и культурных векторов российской истории, с предложенными евразийцами конструктивными рекомендациями на запросы социально-культурной и экономической практики, с гуманистическими ориентациями на национальное согласие и укрепление добрососедских отношений России с окружающим миром. Иными словами, всплеск интереса к евразийской теме имеет многофакторное объяснение. Поэтому,

¹ Научной площадкой обсуждения главных евразийских проблем стали ведущие отечественные журналы – «Вопросы философии», «Свободная мысль», «Философские науки», «Общественные науки и современность», «Наше наследие» «Новый мир», «Начала». Они же организовали и первые публикации работ основателей движения Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Г.П. Флоровского и их оппонентов. В начале 90-х гг. прошлого столетия о евразийских идеях заговорили на круглых столах, научных конференциях, поисковых семинарах, вышли антологии, представившие евразийские тексты для широкого круга специалистов. Понятие, еще до недавнего времени известное лишь узкому кругу специалистов, вошло в научный обиход, а стоящая за ним проблематика приобрела актуальное современное звучание.

представляется, его тема будет оставаться востребованной научным знанием и социальными практиками еще долгое время.

Ниже предлагается обсудить круг вопросов, связанных с философско-исторической доктриной классического евразийства, суть которой связана с осмыслением *российской истории в логике ее социально-культурного развития*. Такие методологические рамки анализа, считает автор, наиболее продуктивны с точки зрения соотнесения евразийской теории с проблематикой российского проекта цивилизационного развития в его прошлом и настоящем вариантах.

«Исход к Востоку»: правда вопросов

Евразийство заявило о себе выходом в 1921 г. сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1» [11]. Речь шла, как предупреждало название сборника, именно о *предчувствиях* (интуициях) части русской эмиграции, связанных с оценкой революции 1917 г. как *свершившегося, т.е. необратимого, факта*, и происходящих в этой связи в жизни российского общества социальных и культурных трансформаций. Они, как и рожденные им умонастроения, требовали объяснений и интерпретаций, дистанцированных от утвердившихся в эмигрантской среде жестких политических (антибольшевистских) оценок. Но главное, оставался без ответа мучительный для всех вопрос: *почему* так быстро и катастрофически рухнул мир старой культуры, создававшийся не одним историческим поколением? К этому времени вопрос переставал быть риторическим, потому что за ним высвечивало несводимое к агрессивному отношению к советской реальности и готовность понять ее с позиций, выводящих за рамки трудного повседневного эмигрантского бытия, в контексте общих культурных надломов, происшедших в Европе после Первой мировой войны. Приобретая новую психологическую и эмоциональную окраску вопрос ориентировал на достижение некоторого «равновесия» в оценке событий, происходящих в России, ведь для каждого оказавшегося в эмиграции эти события были личной историей, частью собственной биографии и потому требовавшие если не оправдания, то эмоционального принятия. Этот психологический стимул быстро перерос в когнитивную потребность *понять и объяснить* события октября 1917 г. на уровне философской интерпретации не только в качестве этапа исторического пути страны, обозначившего конец старой и рождение новой России, но и как знакового предзнаменования аналогичных изменений в Европе и в мире в целом.

Эта потребность «понять и объяснить» получила первую реализацию в названном коллективном сборнике «Исход к Востоку»². В предисловии к нему авторы писали: «Статьи, входящие в состав настоящего сборника, сложились в атмосфере катастрофического мироощущения. Тот отрезок времени, в котором протекает наша жизнь, начиная от возникновения войны, переживается нами как поворотное, а не только переходное время. В совершавшемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но кризис и ожидаем от наступающего – глубокого изменения привычного облика мира» [13, с. 23]. Книга включала десять статей четырех авторов: экономиста и географа П.Н. Савицкого, философа и музыковеда П.П. Сувчинского, филолога и этнолингвиста Н.С. Трубецкого, философа и историка Г.В. Флоровского, вскоре принявшего священство и ставшего видным богословом. Авторы имели разные политические убеждения и социальный опыт, работали в разных областях знания, но их объединяли общие устремления предложить новую социально-философскую парадигму осмысления истории России как особого мира и следования в своих теоретических поисках гуманистическим традициям отечественной общественной мысли. Особый мир России был назван Евразией, что подразумевало признание русской культуры не «слепком» или «провинцией» Западной Европы, а частью мировой культуры, а ее субъектом и носителем – населяющих этот мир восточноевропейские и азиатские народы, которые были названы евразийцами. Предисловие к сборнику заканчивалось такими словами: «Русские люди

² Симптоматичным с точки зрения перемен, назревавших в оценке октябрьских событий, был выход в 1921 г. в Праге сборника либерально настроенной эмигрантской интеллигенции «Смена веков», ориентированного если и не на полное примирение с советской властью, то на ее признание и выстраивание легитимных отношений во имя, как казалось, будущего страны. Авторы сборника, среди которых были известные общественные деятели и философы, считали, что Россия вступила на путь «термидора» и пришло время преодоления большевизма, поэтому следует изменить «градус» неприятия новых реалий вплоть до отказа от вооруженной борьбы с ним. Ведущей для сменовеховцев стала идея «великой и неделимой России». Историческую миссию новой власти они видели в развитии России как мощного многонационального государства с великой культурой. Вскоре под тем же названием и в той же идеологической направленности стал издаваться еженедельник (1921–1922 гг.), а затем газета «Накануне». Идея сильной России как политического, экономического и культурного субъекта единого исторически сложившегося социально-географического пространства была созвучна евразийской идее о континенте Евразии как особом мире России. Но евразийство в своих истоках и в последующие годы до появления газеты «Евразия» (1927 г.), обозначившей раскол внутри движения по ключевым вопросам, оставалось *философским учением*, и этот факт имел доминирующее значение в его самосознании и презентации своих идей на страницах прессы. Позже, в 1926 г., в программном документе «Евразийство» сменовеховцы получили совсем нелицеприятную оценку как движение, в котором «практицизм» вырожден в беспринципный оппортунизм, не способный противопоставить коммунистическим декларациям ничего жизненного и ясного. И в итоге «вместо того, чтобы сделаться носителями исторического процесса, они сделали его рабами и игрушками» [8, с. 233].

и люди народов "Российского мира" не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающею нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя – евразийцами» [13, с. 26]. Этим заявлением авторы достаточно определенно декларировали свою нейтральную позицию по отношению к политическим группам внутри эмигрантского зарубежья и «сердинную» линию в споре славянофилов и западников, считая, что события нового века продемонстрировали практическую пагубность и теоретическую несостоятельность каждой из этих альтернатив в определении истинных смыслов российской истории.

В рамках сформулированной парадигмы в качестве ключевых были предложены такие вопросы: 1) самобытность российской системы хозяйства, обусловленная особенностями географического положения и природными условиями России; включенность «месторазвития» в ее историю (П.Н. Савицкий); 2) русская культура как выражении «стихии» всех народов, населяющих Россию, ориентированная на Европу и Азию в равной степени; научная и практическая несостоятельность идеологии европоцентризма (Н.С. Трубецкой); 3) роль в жизни и истории российского общества духовно-нравственных идеалов, основанных на началах православия, преодоление через их формы утверждающихся в европейской культуре рационализации и формализации духовной жизни (Г.В. Флоровский); 4) музыка как «вдохновляющее начало», дополняющее рациональное отношение к миру на уровне общественного и быденного сознания (П.П. Сувчинский). Сборник обращал на себя внимание пущенным в обиход понятием «евразийство», новыми идеями о вехах российской истории и истоках русской культуры, предложенным толкованием смысла оппозиции «мы и другие», подкупал воодушевленностью и искренностью молодых авторов. Все это обеспечило ему быстрый успех и активный интерес к провозглашенному авторами культурно-философскому движению.

Следует, однако, сказать, что заявленный авторами ракурс рассмотрения культурных истоков и смыслов российской истории был *предзадан* вышедшей годом раньше в Софии небольшой по объему книгой Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» и возникшими вокруг нее спорами [26, с. 55–105]. Ключевой мыслью работы было утверждение, что достижения культуры каждого народа входят в сокровищницу общечеловеческой культуры, но сама национальная культура, не теряя своей самобытности, всегда сохраняет за собой роль определяющего фактора его собственной истории. В книге идея была сформулирована предельно емко и кратко: «Европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества» [26, с. 102]. Более того, европейская культура как культура романо-германских народов в работе заняла место критикуемой за *эгоцентризм* и *эксцентризм*, инициирующих процесс *европеизации*, т.е. практику подражания

европейским образцам, которой другие народы следуют, дабы не прослыть «дикарями» и «варварами». Такая практика была оценена Трубецким как «безусловное зло для всякого не романо-германского народа» [26, с. 103]. Уместно вспомнить, что первоначально, еще до начала войны 1914–1918 гг., брошюра была задумана в виде части трилогии «Оправдание национализма» и должна была называться «Об эгоцентризме», критика которого мыслилась главной темой всего запланированного исследования.

Вместо принятой градации народов и культур по степеням совершенства Трубецкой предлагал принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара, ибо «высших» и «низших» культур и народов вообще нет, а есть лишь культуры и народы более или менее похожие друг на друга, поэтому «объявлять похожих на нас высшими, непохожих – низшими – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо» [26, с. 81–82]. В известном письме Р.О. Якобсону от 7 марта 1921 года Н.С. Трубецкой писал: понять, «что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, – вот все, что требует моя книга от читателя» [26, с. 7]. Эта исследовательская установка определила суть последующих теоретических изысканий автора и тех, кто вместе с ним будут искать ответы на вопросы о прошлом, настоящем и будущем России, об истоках и роли ее культуры в национальной истории российского народа.

Важно заметить, что новизна постановки проблемы сопрягалась с очевидным следованием традиционным разработкам русской философской мыслью, и в этом тоже состояла научная значимость книги. Общий подход к теме возник, как говорится, не на пустом месте. Можно сказать, что в значительной степени он представлял собой аргументированное новыми доводами развитие отечественной теории о культурно-исторических типах, представленную Н.Я. Данилевским в фундаментальном исследовании «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-романскому» (1871). Теория культурно-исторических типов, с одной стороны, исключала взгляд на европейскую культуру как на универсальную и исключительную, с другой стороны, утверждала идею мультилинейности исторического процесса. Выявив особенности установленных культурно-исторических типов, Данилевский пришел к выводу о невозможности сравнивать их по какому-то универсальному (всеобщему) показателю развития, о научной несостоятельности представлений о историческом движении человечества «по восходящей прямой». Если и признавать теоретическую продуктивность такой модели для философских и исторических исследований, утверждал он, то следует согласиться с оговоркой, что прогресс состоит не в том, «чтобы идти в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлени-

ях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития» [6, с. 92]. Идея о самобытности и самодостаточности каждого культурно-исторического типа была для него главным доводом в защиту идеи о теоретической неправомерности и практической пагубности слепого перенесения культурных стандартов Запада на социальную и культурную жизнь России. Одна из глав его книги носит знаковое название «Европейничанье – болезнь русской жизни».

Именно такого взгляда на проблему природы локальных культур, их места в историческом движении человечества придерживался и Н.С. Трубецкой, актуализировавший проблему соотношением ее с российскими реалиями и вызовами XX в. Чуть позже, уже став сторонником евразийства, он, говоря об истинном и ложном национализме, напишет: «Долг всякого нероманогерманского народа состоит в том, чтобы, во-первых, преодолеть всякий собственный эгоцентризм, а во-вторых, оградить себя от обмана "общечеловеческой цивилизации", от стремления во что бы то ни стало быть "настоящим европейцем". Этот долг можно сформулировать двумя афоризмами: "*познай самого себя*" и "*будь самим собой*"» (курсив. – И.С.) [28, с. 37]. Сформулированное Трубецким требование можно отнести к любому народу, задумавшемуся о своей этнической идентичности, следовали ему и евразийцы в своих исследованиях об истоках и смыслах русской культуры.

Вслед за первой книгой «Исход к Востоку» последовали, увеличивая рост и накал интереса к евразийству и евразийцам, в 1922 г. сборник «На путях: Утверждение евразийцев. Книга вторая», в 1923 г. книга «Россия и латинство. Статьи» [14, 17]. Начиная с 1923 г. начинают выходить выпуски «Евразийский временник» (последний выпуск был в 1937 г.), а с 1925 г. появляются издания «Евразийской хроники». Все публикации будут продолжать разработку проблемы *культурно-исторического развития России как особого мира Евразии*, и осмысление в этом ключе отношения к социально-политическим и культурным реалиям, рожденным Октябрем 1917 г. С появлением своего книгоиздательства быстро расширился круг авторов и тех, кто в той или иной форме поддерживал сторонников евразийского течения (Л.П. Карсавин, Г.В. Вернадский, В.Н. Ильин, П.М. Бицилли, Н.Н. Алексеев, А.В. Карташов), а евразийство концептуально оформилось в историософскую теорию со своим проблемным полем, философской методологией и понятийным аппаратом. В 1926 г. выходит обширное систематическое изложение нового учения – «Евразийство. Опыт систематического изложения» [8], воспринятого в качестве манифеста, закрепляющего за евразийством статус учения. Его суть будет сформулирована предельно сжато, как итог предшествующих изысканий: «Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем *существование особой евразий-*

ско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности» [8, с. 257]. Поэтому народы евразийского мира способны к достижению высокой степени взаимопонимания, и этот факт сближает их устремления в социально-экономическом и культурном обустройстве своей жизни. В более сжатом виде эти идеи будут повторно изложены в документе «Евразийство (Формулировка 1927 г.)» [9], что требовала ситуация, возникшая с угрозой раскола выходом в 27-м г. газеты «Евразия». Позже выйдут «Евразийский сборник. Книга VI. Политика, философия, россиеведение» (1929), «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII» (1931), статья П.Н. Савицкого «В борьбе за евразийство» (1931), «Евразийство: Декларация, формулировки, тезисы» (1932).

Ключевой темой всех выпусков евразийцев оставалась тема российской культуры как духовно-смыслового стержня отечественной истории, а главной идеей, определившей направленность их историософских поисков и выводов-прозрений, была мысль, что развитие национальной истории – это всегда есть история национальной культуры, в особенностях и духовных смыслах которой следует искать объяснения событийной истории народа.

«Культура не есть случайная совокупность разных элементов»

Культура в историософских рассуждениях евразийцев является исходной всеобщей основой человеческого общежития, которая постоянно количественно и качественно меняется. Обращение к ней, считали они, есть та «точка зрения», которая позволяет понять историю отдельного народа, во-первых, в контексте его духовной жизни и культурно-ценностных приоритетов его национального самосознанием, во-вторых, в соотношении с движением мировой культуры и историей всего человечества в качестве ее самобытной исторически конкретной «составляющей», в-третьих, в непосредственной связи с ее «соборным» творцом (народом в целом как «симфонической личностью»). В названном выше программном документе «Евразийство. Опыт систематического изложения» этот вывод имел такую формулировку, ставшую своеобразной визитной карточкой их учения: «Культура не есть случайная совокупность разных элементов и не может быть такой совокупностью. Культура – *органическое и симфоническое единство, живой организм. Она всегда предполагает существование осуществляющего себя в ней субъекта, особую симфоническую личность. И этот субъект культуры (культуро-личность), как всякая личность, рождается, развивается, умирает»* [8, с. 257]. С позиций такой методологии евразийство предложило свою интерпретацию и оценку российских реалий как *знаковых, предупреждающих о новом культурно-цивилизационном векторе исторического движения человечества, и свидетельстве того, что центры культуры перемещаются, а сама*

она качественно меняется в ответ на социальные и политические изменения в мире, ознаменовавшие начало XX в. В этом выводе нашла отражение суть предложенного евразийцами «плана новой исторической схемы», замысел их историософских прозрений и *предупреждений*, адресованных человечеству, а именно проблемы России – это проблемы, с которыми столкнутся в ближайшем (или чуть отдаленном) будущем народы Европы и другие народы мира. История подтвердила верность и названных временных рубежей и трагического смысла возможных перемен.

В контексте интерпретации истории как движения, которое всегда несет с собой предостережения и пророчества, особое значение имела идея П.Н. Савицкого о «фактах-пророчествах», призывавшего видеть в исторических фактах не просто «информационные единицы», а реализованные и нереализованные в историческом опыте культурно-духовные смыслы, которые и должны стать объектом философско-исторического осмысления. Евразийство как философско-историческое учение, строящееся на признании приоритета и доминирующей роли культуры в историческом движении человечества (и отдельного народа), представляло собой, по его оценке, именно такой тип теории (см. об этом публикацию К.Б. Ермишиной «Философия культуры П.Н. Савицкого [10]). А факт Октябрьской революции и образование Советского Союза – были теми «событиями-фактами», которые зафиксировали смысловые вехи истории, предупреждающие о ее новых поворотах, о рождении новых культурных эпох, цивилизаций, катаклизмов и социальных вызовов, требующих от человечества своевременных и адекватных ответов.

Таким образом, историософская суть евразийской идеи (и соответственно отношения к новой России) была сформулирована предельно четко: любые экономические, социальные и политические преобразования предполагают в качестве необходимого условия их реализации свою культурную базу, – только в этом случае они будут иметь ожидаемый жизненный эффект. «Для евразийства, – писал Н.С. Трубецкой, – самым важным является именно изменение культуры, изменение же политического строя и политических идей без изменения культуры евразийством отмечается как несущественное и нецелесообразное» [29, с. 79] (к сожалению, предложенная формула на практике часто «переворачивалась», что становилось причиной неожиданно негативных последствий благих пожеланий и идей). В системе культурологических воззрений евразийцев, во-первых, утверждалась самоценность и значимость национальной культуры в исторически складывающихся социальных формах общежития; во-вторых, отвергался безапелляционный авторитет европейской культуры; в-третьих, русский народ признавался одним из равноправных народов, населяющих страну, и заявлялась внутренняя связь его культуры с православием; в-четвертых, национально-культурным «суб-

стратом» российского государства признавались все народы, населявшие страну в качестве особой нации, в-пятых, эта нация называлась *евразийской*, ее территория – *Евразией*, ее национализм – *евразийством*.

В следовании этим принципам при оценке и анализе происходящих в советской России событий евразийцы видели созидательный смысл своего учения, осозная его как первое пореволюционного движения, противопоставившее большевизму концептуальные и конструктивные возражения. Теперь, спустя 100 лет, мы можем сказать, какие из этих возражений подтвердили свою теоретическую истинность и практическую целесообразность в историческом опыте страны, а какие из них были со временем отвергнуты тем же историческим опытом. Более того, отвергнуты с той же быстротой, с которой в свое время был разрушен мир старой России и ее культуры, свидетелями чего были евразийцы. Не потому ли их предупреждения не теряют своей актуальности и сегодня?

Учение об идеократическом государстве

Прочное и постоянное объединение народов в рамках общего для них государственного устройства возможно только при наличии «единого субстрата государственности». Таковым, уверены были евразийцы, может быть только национальное государство. В этой связи ими было предложено толкование природы евразийского государства как идеократического [1, 8, 9].

Евразийское государство признавалось политическим образованием «демократической природы», т.е. способным выражать суверенные интересы народа и осуществлять свои функции посредством правящего слоя, связанного с народом единой «культурно-государственной идеологией» (сопоставления с советской практикой не замедлили появиться, как и обвинения в том, что предложенная схема есть «калька» утвердившейся структуры Советов). Народом называлась совокупность исторических поколений, объединенных общей культурой, поэтому основанием народного суверенитета мыслилась не сложившаяся в развитых странах система народного «представительства», а личностная включенность каждого гражданина в культурную жизнь страны. Гарантией этого признавался правопорядок и верховенство закона как безусловного и непреложного начала гражданского порядка, политической стабильности и благожелательного отношения государственной власти к каждой вере, исповедуемой народами, проживающими на территории Евразии. Государство, определяемое как идеократическое, толковалось по сути как вторичная форма бытия культуры, т.е. объемлющая все проявления общественной жизнедеятельности в интересах всеобщего интереса и блага. Обосновывалось доминирующее влияние государственных

структур на сферу экономики, на отношения собственности, на культурные формы общественной жизни, на нравственные приоритеты в семейном быту и т.д. В этом виделся функциональный смысл каждой из государственных структур и деятельности каждого обслуживающего и представляющего ее социального слоя. Функционализм декларировался универсальным принципом, который способен сцементировать социальное пространство живущих на нем людей подчинением жизни каждого государственному целому.

Примечателен в этой связи следующий тезис, декларированный в качестве главного идеологического постулата: *«Функциональное значение должны получить и рабочий и капиталист, а государство, охраняя необходимую для экономической жизни сферу свободной инициативы и конкуренции, регулировать и контролировать ее не с точки зрения интересов рабочего и капиталиста, а с точки зрения интересов целого»* [8, с. 288]. Власть, которой народ наделял «демократический правящий слой», формировавшийся путем «особого отбора» на основе общей, принятой всеми идеологии, обеспечивала реализацию функционализма на всех уровнях и во всех социальных и экономических сферах жизнедеятельности общества. Этот принцип вызвал самую острую критику оппонентов, поскольку, по их мнению, совсем не «вписывался» в исходную идею о культуре как основе цивилизованной жизни социума. Н.А. Бердяев, назвав учение евразийцев о государстве утопическим этатизмом, писал: *«Утопический этатизм евразийцев приводит их к той ложной и опасной идее, что идеократическое государство должно взять на себя организацию всей жизни, т.е. организацию всей культуры, мышления, творчества, организацию и душ человеческих <...> Государство по природе своей ограничено и относительно, оно ограничено в принципе субъективными правами личности и свободой творящего духа, не поддающегося никакой организации. Государственный абсолютизм есть язычество, есть древняя восточная и римская идея»* [3, с. 331–332]. Человек выше государства, но об этом евразийцы забыли, выстраивая свою теорию о его примате над личностью. Нельзя сказать, что все оценки и рекомендации евразийцев относительно организации общественной жизни и социальных функций государства носили утопический характер и были лишены всякого позитивно-конструктивного смысла. Дело в том, что они, как и опыт социалистического строительства, были привязаны к своему времени и решению связанных с ним исторически конкретных задач, и это надо иметь в виду, определяя сегодняшнее отношение к их учению.

Заключение

Философско-исторические искания евразийцев имели широкий отклик в общественной мысли русского зарубежья и сразу после публикации первого сборника нашли своих сторонников и оппонентов. На протяжении всех следующих лет развитие предложенного подхода к анализу российской истории и культуры сопровождалось острой полемикой, которая продолжалась, что примечательно, и после фактического распада евразийского движения. С критикой выступили Н.А. Бердяев, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, С.И. Гессен, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов. В лагерь оппонентов перешли Г.Ф. Флоровский и П.М. Бицилли, принимавшие участие в первых публикациях евразийских изданий [2, 3, 4, 25, 31]. Тот факт, что евразийские идеи не приняли известные представители философской мысли русского зарубежья, говорит, с одной стороны, о серьезности доводов против идеи, но, с другой стороны, о ее теоретической привлекательности и эвристичности. За изысканиями евразийцев стояло новое видение не только российских реалий, а мира в целом, предчувствие тех катастрофических изменений, с которыми человечество столкнется через некоторое время: экономическая депрессия, приход национал-фашизма к власти, кризис европейской культуры, Вторая мировая война и ее страшные последствия, распад колониальной системы и выход на мировую арену новых молодых государств и др.

Говоря о критике евразийства его современниками, не следует забывать того факта, что она содержала в том числе конкретную политическую составляющую – упрек, далеко не всегда справедливый, но и не лишенный оснований, в готовности принять утвердившиеся советские государственные структуры, способными сделать Россию великой державой и сохранить исторически складывавшиеся культурно-нравственные основы общежития ее народов. Это был тот «второй жизненный лик» евразийской теории, по мнению его оппонентов, который многие критики не могли принять и через оптику которого видели все ее содержание. Особенно непримиримым со временем стало непринятие евразийства со стороны Г.В. Флоровского. По его оценке, оно оказалось правдой вопросов, но неправдой ответов, правдой проблем, а не решений. Евразийцам «удалось не столько поставить, сколько расслышать живые и острые вопросы творимого дня», и потому они заменили ответы «призрачным кружевом соблазнительных грез», в которых «малая правда сочетается с великим самообманом» [31, с. 354–355].

Сегодня, опираясь на прошедший более чем столетний исторический опыт страны, мы можем сказать, что, расслышав острые вопросы дня, евразийцы все-таки уловили их суть, что правда в евразийской идее безусловно была, о чем свидетельствует обращение к ней не одного поколения историков и философов в поисках решения собственных проблем. И каждое поколение находило в ней созвучные его времени смыслы. А не этим ли опреде-

ляется научная значимость философской идеи? Евразийская правда питает и сегодняшний интерес к нему со стороны философов, историков, политологов, культурологов. В этой связи напомним суждение П.М. Бицилли, которым он начинает свою статью в сборнике «Исход к Востоку»: «Необходимо помнить, что правильность или ложность исторических, как всяких других научных понятий, зависит от избранной точки зрения, что степень их соответствия действительности может быть большей или меньшей, смотря по тому, к какому историческому моменту мы их применяем» [19, с. 24]. Сегодняшний интерес к евразийству в значительной степени объясняется соответствием правильности и ложности его идей нашему историческому моменту.

Подводя итог и принимая во внимание задачи, актуализированные современным гуманитарным знанием и социальной практикой, можно назвать следующие узловые проблемы евразийского учения, не утратившие своей новизны и научной значимости.

1. Обращение к культуре как к основанию целостности человеческой цивилизации и парадигме философско-исторических исследований.

2. Концептуальное обоснование социально-экономической и культурной связи России с Европой и Азией, зафиксированное принятым сегодня научным и мировым сообществом понятием «Евразия».

3. Введение в научный оборот концепта «месторазвитие», фиксирующего роль географически-культурного пространства в историческом движении и в развитии национального самосознания народа.

4. Предостережения от ложного национализма и государственного этатизма.

Представляется, что отмеченные идеи, к которым далеко не сводится вся совокупность смыслов евразийства, остаются столь же интересными, «будоражающими мысль», какими они были для их авторов, ярких представителей отечественной философской мысли того далекого и одновременно близкого нам времени.

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Irina N. Sizemskaya – Sc.D. in Philosophy, chief research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
sizemskaya@mail.ru

Список литературы

1. *Алексеев Н.Н.* Евразийцы и государство // Россия между Европой и Азией; Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 161–174.
2. *Бердяев Н.А.* Евразийцы // Россия между Европой и Азией; Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 292–301.
3. *Бердяев Н.А.* Утопический этатизм евразийцев // Россия между Европой и Азией; Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 301–307.
4. *Бицилли П.М.* Два лика евразийства // Россия между Европой и Азией; Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 279–292.
5. *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. История в документах. М.: Новое издательство, 2010. 630 с.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. 6-е изд. / Предисловие Н.Н. Страхова; статья К.Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А.А. Галактионова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глагол», 1995. 552 с.
7. Евразийский сборник. Книга VI. Политика, философия, россиеведение. Прага: тип. «Политика», 1929. 80 с.
8. Евразийство (Опыт систематического изложения) // Мир России – Евразия. Антология. М.: «Высшая школа», 1995. С. 233–291.
9. Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 217–230.
10. *Ермишина К.Б.* Философия культуры П.Н. Савицкого // Философские науки. 2013. № 3. С. 52–63.
11. Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга первая. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. 125 с.
12. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. 799 с.
13. Мир России – Евразия. Антология / Составители Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. 399 с.
14. На путях: Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Книгоиздательство «Геликон», 1922. 356 с.
15. *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Введение // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 4–23.
16. *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Евразийская концепция российской истории // Русская философия истории. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 332–353.
17. *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Евразийский искус // Мир России – Евразия. Антология. М.: «Высшая школа», 1995. С. 5–21.
18. Россия и латинство. Статьи. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. 219 с.
19. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев / сост., вст. статья и примечания С.Ю. Ключников. М.: Беловодье, 1997. 525 с.
20. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. / Редакторы-составители Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. 367 с.
21. *Савицкий П.Н.* Два мира // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 114–123.
22. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 123–131.
23. *Савицкий П.Н.* Избранное // Сост., автор вступ. статьи Е.Л. Петренко М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.

24. *Соболев А.В.* О русской философии. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2008. Часть III. «Евразийские штудии». С. 163–251. Часть IV. Публикации. Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому. С. 327–493.
25. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М.: ООО «Садра»; Издательский Дом ЯСК, 2019. Гл. «Классическое евразийство: «всечеловеческий» проект цивилизационного развития России». С. 165–202.
26. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж: Евразийское кн. изд-во, 1931. 317 с.
27. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Вступительные статьи академика Н.И. Толстого и профессора Л.Н. Гумилева. Составление, подготовка текста и комментарии доктора филологических наук В.М. Живова. М.: Издательская группа «Прогресс-Универс», 1995. С. 55–105.
28. *Трубецкой Н.С.* Общевеэвразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 99–100.
29. *Трубецкой Н.С.* Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 36–48.
30. *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 77–90.
31. *Трубецкой Н.С.* Евразийство: Избранное. М.: ИНФРА-М, 2016. 357 с.
32. *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Мир России – Евразия. Антология. М.: «Высшая школа», 1995. С. 354–386.

References

1. *Alekseev N.N.* Evraziycy i gosudarstvo // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej; Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 161–174
2. *Berdyayev N.A.* Evraziycy // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej; Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 292–301
3. *Berdyayev N.A.* Utopicheskij etatizm evraziycev // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej; Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 301–307
4. *Bicilli P.M.* Dva lika evraziystva // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej; Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 279–292.
5. *Glebov S.* Evraziystvo mezhdru imperiej i modernom. Istoriya v dokumentah. M.: Novoe izdatel'stvo, 2010. 630 s.
6. *Danilevskij N.Ya.* Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-romanskomu. 6-e izd. / Predislovie N.N. Strahova; stat'ya K.N. Bestuzheva-Ryumina; sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii A.A. Galaktionova. SPb: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, Izdatel'stvo «Glagol», 1995. 552 s.
7. *Evrzijskij sbornik. Kniga VI. Politika, filosofiya, rossievedenie.* Praga: tip. «Politika», 1929. 80 s.
8. *Evrziystvo. (Opyt sistematicheskogo izlozheniya) // Mir Rossii – Evraziya. Antologiya. M.: «Vysshaya shkola», 1995. S. 233–291.*
9. *Evrziystvo (Formulirovka 1927 g.) // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej; Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 217–230.*
10. *Ermishina K.B.* Filosofiya kul'tury P.N. Savickogo // Filosofskie nauki. 2013. № 3. S. 52–63.
11. *Iskhod k Vostoku: Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziycev. Kniga pervaya. Sofiya: Rossijsko-Bolgarskoe knigoizdatel'stvo, 1921. 125 s.*

12. Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Filosofskaya i politicheskaya publicistka. Duhovnaya proza. (1872–1891) / Obshch. red., sost. i komment. G.B. Kremneva; vstup. st. i komment. V.I. Kosika. M.: Respublika, 1996. 799 s.
13. Mir Rossii – Evraziya. Antologiya / Sostaviteli L.I. Novikova, I.N. Sizemskaya. M.: Vysshaya shkola, 1995. 399 s.
14. Na putyah: Utverzhenie evraziycev. Kniga vtoraya. Berlin: Knigoizdatel'stvo «Gelikon», 1922. 356 s.
15. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Vvedenie // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 4–23.
16. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Evrazijskaya koncepciya rossijskoj istorii // Russkaya filosofiya istorii. M.: Aspekt Press, 1999. S. 332–353.
17. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Evrazijskij iskus // Mir Rossii – Evraziya. Antologiya. M.: «Vysshaya shkola», 1995. S.5–21.
18. Rossiya i latinstvo. Stat'i. Berlin: Evrazijskoe knigoizdatel'stvo, 1923. 219 s.
19. Russkij uzal evrazijskaja. Vostok v russkoj mysli. Sbornik trudov evraziycev / sost. vs. stat'ya i primechaniya S.Yu. Klyuchnikov. M.: Belovod'e, 1997. 525 s.
20. Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblzn. Antologiya. / Redaktory-sostaviteli L.I. Novikova, I.N. Sizemskaya. M.: Nauka, 1993. Z67 s.
21. Savickij P.N. Dva mira // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S.114–123.
22. Savickij P.N. Step' i osedlost' // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S.123–131.
23. Savickij P.N. Izbrannoe // sost., avtor vstup. stat' E.L. Petrenko M.: ROSSPEN, 2010. 776 s.
24. Sobolev A.V. O russkoj filosofii. SPb.: Izdatel'skij dom «Mir», 2008. Chast' III. «Evrazijskie shtudii». S.163–251. Chast' IV. Publikacii. Pis'ma N.S. Trubeckogo k P.N. Savickomu. S. 327–493.
25. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs. Obshchechelovecheskoe. M.: OOO «Sadra»; Izdatel'skij Dom YASK, 2019. Gl. «Klassicheskoe evrazijskoe: «vsechelovecheskij» proekt civilizacionnogo razvitiya Rossii». S. 165–202.
26. Tridcatye gody. Utverzhenie evraziycev. Kniga VII. Parizh: Evrazijskoe kn. zd-vo, 1931. 317 s.
27. Trubeckoj N.S. Evropa i chelovechestvo // Trubeckoj N.S. Istoriya. Kul'tura. Yazyk / Vstupitel'nye stat'i akademika N.I. Tolstogo i professora L.N. Gumilyova. Sostavlenie, podgotovka teksta i kommentarii doktora filologicheskikh nauk V.M. Zhivova. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress-Univers», 1995. S. 55–105.
28. Trubeckoj N.S. Obshcheevrazijskij nacionalizm // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 99–100.
29. Trubeckoj N.S. Ob istinnom i lozhnom nacionalizme // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 36–48.
30. Trubeckoj N.S. My i drugie // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblzn. Antologiya. M.: Nauka, 1993. S. 77–90.
31. Trubeckoj N.S. Evrazijskoe: Izbrannoe. M.: INFRA-M, 2016. 357 s.
32. Florovskij G.V. Evrazijskij soblzn // Mir Rossii – Evraziya. Antologiya. M.: «Vysshaya shkola», 1995. S. 354–386.